

СЛЕПАЯ ЛОШАДЬ ИСТОРИИ

Читаешь заметки молодого киевского журналиста Давида Заславского — будущего знаменитого фельетониста газеты "Правда" — о 1920 году на Украине и с отчаянием осознаешь, что разруха той гражданской войны словно бы перекочевала с некоторыми поправками в наши дни новой Украинской смуты 2014 года, что история "незалежной", словно старая слепая лошадь на хуторянском току, опять пошла по натоптанной колее, что характер киевской элиты и послушной ей уличной черни совсем не изменился: всё та же кровь, всё то же глупое коварство, всё то же конвульсивное национал-хулиганство, всё те же якобы стихийные погромы, всё та же простота, что хуже воровства (хотя воровства тоже хватает), всё те же лукавые советники-поводыри из мировой закулись. Разве что в 20-м году прошлого века это были немцы с поляками, а теперь американцы с европейцами, но при всех цивилизованных оккупантах "незалежные" хлопцы маршируют по улицам столицы чуть ли не с голыми задницами. Однако в 20-м году жовтоблакитников вместе с их советниками вышибли из Киева эскадроны Будённого. А сегодня кто их вышибет? Кто спасёт "незалежную"? Молодёжь сходит с ума под присказку: "Кто не скачет, тот москаль", олигархи и хунта, ненавидя друг друга, тащат ридну нэньку Украину в европейский Содом, творческая интеллигенция, возросшая в советское "оккупационное" время, от страха потеряла дар речи, а слепая лошадь истории из последних сил тащится по роковому кругу.

Станислав КУНЯЕВ

ДАВИД ЗАСЛАВСКИЙ

ПОЛЯКИ В КИЕВЕ В 1920 ГОДУ

I

Ещё несколько часов томительного ожидания. Днём вступила польская кавалерийская разведка — чистенькие вылощенные офицеры и солдаты на выхоленных лошадях. Они подъехали к городской Думе на Крещатике, и навстречу им вышло много поляков, большею частью интеллигентов, но были и рабочие, дамы и девицы с белыми цветами. Украинская интеллигенция вела себя сдержанно, ждала своих. По городу сейчас же разнеслась весть, что идут регулярные части, а партизан совсем нет, и еврейское население, придавленное страхом погрома, прибодрилось и тоже показалось на улицах. Правда, ходили слухи о погромах, учинённых на Волини поляками, и известно было, что легионеры забавляются милой шуткой: режут бороды старым евреям. Всё же это не массовая резня людей и не насилдование женщин. К вечеру улицы уже были полны народа; с любопытством присматривались к немногочисленным польским патрулям, сдержанно и чинно проходившим и занимавшим свои посты. На груди у многих киевлян появились красно-белые польские и жёлто-голубые украинские бантики. Поляки и украинцы чувствовали себя

именинниками. Русские в значительной своей части косились недоверчиво; чувствовали какую-то внутреннюю обиду даже те, кто рад был уходу советской власти. Евреи не смели верить, что прошли благополучно самые опасные минуты, и миновала угроза массового погрома. В толпе раздавались, правда, антисемитские выкрики, и совсем без “эксцессов” не обошлось. Но всё это пустяки были сравнительно с тем, чего ожидали и что могло быть.

Стало известно, что польские войска, не задерживаясь в городе, переходят по мостам на ту сторону Днепра, и что в Царском саду на высоком и крутом берегу установлены орудия. Ясно было, что без боя не обойтись. На другой день к вечеру загрохотали и заревели в самом городе орудия, и снова попрятались по домам люди, наиболее трусливые забираясь в подвалы. Палила польская артиллерия, и в ответ ей стали рваться над городом большевистские снаряды. До центра они не долетали, и потерпел многострадальный Печёрск, в котором и без того ни одного дома не осталось с целыми окнами. Когда выяснилось, что непосредственной опасности нет, на Владимирской горке собралось много народа, смотрели на артиллерийскую дуэль. Среди тёмно-зелёного ковра дарницких и броварских лесов появлялись белые комочки таявшего дыма: там верстах в 20 отстреливались большевики. Кано-нада грохотала и на следующий день, потом стала глуше; но она уж не умолкала совсем надолго. И в течение всего месяца, пока были поляки в Киеве, глухой рокот за Днепром напоминал, что большевики тут, залегли под Киевом, и война продолжается. Этот солидный басовитый рокот, ставший аккомпанементом польско-украинского альянса, имел большое политическое значение и стоил ряда речей на митингах и ряда передовых статей в газетах.

Он убил, прежде всего, одну иллюзию, весьма распространённую в обывательских кругах. Многие простосердечно верили, что поляки пойдут непременно дальше, будут гнать большевиков до Москвы, возьмут Москву и покончат с советской властью. Популярна была версия, что таково именно задание мистической во всемогуществе своём Антанты, что поляки выполняют поручение Франции, и следом за ними идут французы, румыны и, конечно, немцы, по которым донные тоскуют многие сердца на Украине. Казалось, что орудийные ба-сы за Днепром – это лишь временное явление, и завтра-послезавтра они замолкнут навсегда. Но проходили день за днём, и снова повторялся отдалённый гул на черниговской стороне, и ясно было, что поляки дальше не пойдут, и что перешли они Днепр у Киева только для закрепления предместных позиций.

Тем не менее, в широких обывательских кругах прочно было убеждение в том, что с большевиками покончено навсегда. Та лёгкость, с какой совсем без сопротивления был отдан Киев, казалась признаком их слабости. Город видел небольшие отступавшие отряды плохо вооружённых оборванных красноармейцев; передавали, что это всё, что осталось от 12-й армии. Стало быть, Красная армия в войне с европейской регулярной армией обнаружила своё воинское бессилие и была разбита. В кругах местной интеллигенции, партийной и беспартийной, не было такой уверенности в том, что с большевиками покончено раз и навсегда. Напротив, были в этом величайшие сомнения. Повод к ним давал внутренне-фальшивый, искусственный польско-украинский союз, плохо маскировавший польскую военную оккупацию. А что такое оккупация, на Украине было хорошо известно по опыту 1918 года. Немцы с трудом справились с крестьянскими восстаниями, а были они тогда в силе и могли держать на Украине полумиллионную армию. Не подлежало сомнению, что с польскими войсками придут и польские землевладельцы, хозяйева богатейших имений и сахарных заводов на Киевщине, в Подолии и на Волыни, и все те батьки-атаманы, которые вчера выступали против большевиков, завтра пойдут против поляков. Начнётся новая серия войн украинского народа за свою независимость с неизбежной новой “ориентацией на Москву”, – на этот раз Москву не “православную”, а “рабоче-крестьянскую”. При этих условиях даже слабая Красная армия может оказаться опасным врагом для поляков.

Уверенность обывателей окрепла ещё больше, а сомнения интеллигенции поколебались после эффектного парада польских войск, устроенного 4 мая. По улицам Киева, с Бибиковского бульвара на Крещатик к городской Думе и обратно, продефилировала целая дивизия (а кто говорил – корпус) войск всех родов. Это была немножко декоративно-оперная, но импозантная картина. Прежде всего, Киев давно не видал такого количества хорошо вымытых, чисто, даже щегольски одетых людей. Польские солдаты, видимо, готовились

к этому оперному параду, как к спектаклю, и где-нибудь под Киевом долго и усердно мылись, чистились, брились. Они шли нескончаемой лентой – пешие, конные, на орудиях, на броневиках, – и все, как один, блестя новеньким, с иголки, платьем, в чистёхоньких лакированных шлемах, в превосходно начищенных, совсем не запылённых башмаках, с полным набором оружия, тоже новенького, чистенького, ни разу не бывшего в употреблении. Три года не чистенный, небритый, пообносившийся и неряшливый Киев, разинув рот, смотрел на эту строго вымуштрованную уйму чистоты и воинского изящества.

Конечно, в памяти были ещё немцы, тоже чистые и аккуратные, поражавшие своей выправкой даже в те дни, когда началась в Германии революция, и когда, казалось, можно было расстегнуть хотя бы одну пуговицу у ворота. В Киеве заседал “Большой совет германских солдат”, но ни одной расстегнутой пуговицы нельзя было заметить на солидных фигурах, гулявших с сигарамы во рту по Крещатику. Немцы были чисты и аккуратны, но и у них был всё же на четвёртом году войны потёртый вид, и было среди них много стариков, много неуклюжих, мешковатых воинов из ландвера, так и не выучившихся молодцевато носить воинское одеяние.

А здесь весело и бодро шла под звуки военных оркестров цветущая молодёжь Польши, сплошь франты, сразу покорившие сердца демократического женского Киева. И если так хороши были рядовые воины, то положительно подавляли великолепием своим офицеры и генералы. Это была уже не опера, а цирк, gala-выезд превосходных наездников, сплошь князей, баронов и графов по внешнему виду, на чудесных лошадях, каких только в цирках и на скачках можно видеть и каких Киев давным-давно не видал. В общем, это была сказочная феерия, неправдоподобная в обстановке и условиях современной войны, чудесное явление из другого мира и другого времени.

Киев давно не видал и такой полноты снаряжения. Роты, батальоны и полки шли в полностью укомплектованном составе, с большим количеством пулемётов, при орудиях – полный состав прислуги, за частями – лёгкий обоз с какими-то специальными повозками, двуколками. В довершение ко всему – при каждой части несколько мулов, навьюченных каким-то вооружением.

У военных специалистов этот парад мог бы вызвать какие-нибудь критические замечания. Профанов он подавлял окончательно и бесповоротно демонстрацией невиданной мощи. Куда же справиться оборванным, босым красноармейцам с их ружьями на верёвочной перевязи с этими несокрушмыми щёголями-европейцами!

Не было киевлянина, который не вспоминал бы впоследствии – кто со злорадной насмешкой, кто с обидной горечью – об этом эффектном параде. Но уже и тогда бросался в глаза чересчур элегантный, ненатуральный на войне, цирковой характер польской армии. Немногие, однако, это замечали.

Зато глубоко символическим и демонстративным было выступление украинского отряда. Украинцев было немного, сотни две, все – пешие. Они терпеливо дожидались своей очереди, лёжа вповалку на мостовой Терещенковской улицы. И когда прошли последние франты и щёголи, прогрохотали броневики и грузовые автомобили, потянулся жалкий хвостик этого блестящего шествия. Лениво и понуро шла в нестройных рядах колонна украинцев. На них были такие же, как у поляков, французского происхождения френчи, штаны, башмаки, но всё несвежее, подержанное, явно с чужого плеча, не подогнанное к росту и фигуре. И были они небриты и нестрижены и, увы, грязноваты. И болтались за спинами у них сумки различного цвета и вида. Офицеры были немногим лучше рядовых. И сзади на простых крестьянских лошадях в телегах с “дядьками” за кучера тащились потрёпанные пулемёты, перевязанные верёвками, – таков был обычный вид повстанческого отряда.

Это была живая картина польско-украинского союза. Комментариев не требовалось. Нельзя было яснее, громче, откровеннее сказать, в чьих руках реальная сила, кто подлинный хозяин на правобережной Украине.

II

Сразу, как ножом, отрезан был Киев от всей Советской России – и никаких известий оттуда. За Днепром начинался новый мир, ещё вчера так близко знакомый киевлянам, сегодня – более далёкий и чужой, чем Австралия или Африка. Ни одна живая душа не могла перейти линию Днепра.

А в городе новый порядок строился по старым образцам: один за другим следовали обычные первые приказы всех приходивших в Киев властей — о сдаче оружия, о регистрации офицеров, об учреждении милиции, о воспрепятствии выходить на улицу позже определённого часа. Население покорно подчинялось и выжидало, каковы будут дальнейшие действия новой власти. Новизна первых дней скоро прошла, потянулись будни. Открылись магазины и лавки со съестным, кофейные и ресторанчики. Поляков в городе было мало. Войска после парада ушли на фронт, остался лишь небольшой гарнизон. Думали, что вот теперь, с уходом большевиков, начнётся сразу оживление, установится связь с Европой, появятся товары. Но оживления не было; пустым и мёртвым оставался киевский вокзал. Говорили, что на пути своего отступления большевики взорвали все мосты, и поэтому нет сообщения с Варшавой. Но постепенно стали появляться крестьяне, и базары ожили. На базарах и начались первые столкновения населения с польской властью.

Поводом к недоразумениям послужил вопрос о валюте, самый больной при смене власти вопрос. Деникинцы, придя в Киев, аннулировали единым взмахом все советские бумажки, — и это сразу повредило им в завоевании народного расположения. Потом советская власть таким же манером аннулировала “добровольческие” бумажки. Все переходные монеты при смене власти были форменной пляской валюты, и наживались на этом спекулянты. Польское военное командование в Киеве не аннулировало прежних денег; даже советские бумажки были допущены к обращению, не был лишь обязателен приём их. Но был установлен принудительный курс, совершенно произвольный. Две украинских гривны приравнивались одному романовскому рублю, а в действительности он стоил дороже. Сравнительно высоко ценившиеся населением “керенки” были поставлены ниже “карбованцев”. Советские 100 рублей приравнивались 5 карбованцам, а на самом деле они стоили четверо дороже. Но всего больше вызвал недовольства произвольный курс польской марки. Она приравнена была 5 романовским рублям, чего, конечно, не стоила. В общем, население с официальным курсом не считалось, и базар устанавливал свои, тоже довольно фантастические расчёты. Путаница была большая, и многие торговки, в особенности крестьянки, отчаявшись разобраться в сложной таблице валютных единиц, отказывались от всяких денег, кроме царских. Не подчинялись базарному неписаному закону польские солдаты. Они брали продукты и товары и платили польскими марками по курсу коменданта города. Торговцы вопили, ругались; солдаты отстаивали свои права. Начальство убедительно показывало, что оккупация — это не пустое слово, и польское правительство не обязано заботиться об интересах киевских торговцев. И уже через неделю общественное мнение киевских базаров втихомолку проклинали великодушных “освободителей”.

В торжественных заявлениях представители польского командования доводили до сведения жителей, что Войско Польское пришло сюда не для завоевания края, а по приглашению украинского народа для освобождения его от большевиков, и что, как только восстановлен будет порядок, Войско Польское отсюда уйдёт. Говорили, что едет в Киев вместе с Петлюрой сам Пилсудский. Но прошла первая неделя, и вторая началась, а в Киев не приезжал никто из влиятельных политических деятелей Польши и никто из украинской Директории. Правительство украинское, — вернее, остатки его — переехало в Винницу. Там должна была сформироваться новая украинская власть, туда предполагалось перенести все центральные учреждения. Киев, по-видимому, не внушал ей доверия. Это сразу же усилило политическую неопределённость положения, придавало ему какой-то двусмысленный характер. В Киеве никто не знал, каковы условия договора между Пилсудским и Петлюрой, да и существует ли подлинно такой договор; никто не знал, что делается за пределами города и в какой мере верны слухи о жестокой и прямой линией полонизаторской политике польских военных властей в оккупированных частях Украины.

Украинская интеллигенция в Киеве была сильно потрёпана за время непрерывных переворотов. Левые социалистические элементы были увлечены большевизмом и образовали пёструю смесь левозэсеровских национал-коммунистических и анархо-националистических групп. Были такие, которые успели побывать и в советских комиссарах, и в “батьках-атаманах”. Правые социалистические элементы постепенно разбежались во время разных переворотов — одни от большевиков, другие от деникинцев. Многие из тех, кто уцелел, эми-

грировали в деревню от голода. Часть разочаровалась и в политике, и в национализме. Остались в Киеве умеренные демократические группы, в большинстве своём культурные деятели и работники, примыкавшие в прошлом к партии украинских социалистов-федералистов (“эсеров”). Социалистическое правительство Центральной Рады и Директории не принимало их в свой состав, считая, что сотрудничество с С. Ефремовым и А. Никовским было бы компрометирующей их коалицией с буржуазией. Быть может, это обстоятельство, вынудившее социалистов-федералистов оставаться в лояльной оппозиции, помогло им сохраниться в Киеве вплоть до весны 1920 года. Эта группа была немногочисленна и невлиятельна; но к ней принадлежали лучшие, наиболее культурные элементы украинской интеллигенции.

Судьба Центральной Рады и Директории, пережитый за два года опыт партизанской борьбы против советской власти, ряд поражений революции на Украине — всё это привело умеренные группы украинской интеллигенции к мысли отказаться от насильственных переворотов и авантюристских предприятий. Многие вернулись к литературной и мирной культурной работе, от которой оторвала их революция. Выросшая за это время украинская кооперация привлекла их к себе на службу. Бывшие лидеры политических групп, дипломаты и министры стали скромными “управделами”, инструкторами, сотрудниками кооперативных изданий. Со своей стороны, и кооператоры украинские как-то оступились и охладели к политике. Выразилось это в росте компромиссных настроений и в готовности сотрудничать с советской властью при сохранении относительной независимости украинской кооперации. И как раз незадолго до прихода поляков у украинских кооператоров и деятелей украинского наркомпрода стали налаживаться недурные отношения. Практики и реалисты, украинские кооператоры с недоверием относились к попыткам вооруженной силой свергнуть советскую власть.

Наступление и приход в Киев поляков застали эти умеренные группы врасплох. Они не были в курсе украинских эмигрантских дел, не имели прямой связи с Петлюрой, не знали хода и сущности переговоров с поляками. Между тем, им надлежало сыграть теперь решающую роль. Левые социалистические группы были отменены всем предшествующим ходом событий. В pendant к правительству Пилсудского новая украинская власть могла быть социалистической по имени, но по существу она должна была проводить умеренно-демократическую программу, быть коалиционной, далёкой от всяких “экспериментов”. Только Киев и мог дать элементы для образования авторитетной на Украине власти, а в Киеве это могли быть только правые социалистические и умеренно-демократические группы. Пробил час “социалистов-федералистов”: они принуждены были взять власть; кроме них, и некому было брать её.

В первые же дни возродился Украинский национальный комитет. Он существовал с первых дней революции, то замирая, когда политические партии могли вести открытое существование и стоять у власти, то воскресая, когда в подполье дружески объединялись вчерашние антагонисты — власть и оппозиция. Ядро Украинского национального комитета составляли правые украинские социал-демократы с В. В. Садовским во главе, социалисты-федералисты (Ефремов, Саликовский, Никовский) и кооператоры. Органом Украинского национального комитета была газета “Громадське слово” (“Общественное слово”), выходившая под редакцией А. Ф. Саликовского и В. В. Садовского.

Украинский национальный комитет видел в Петлюре своего национального героя и готов был его поддерживать: хотя идея государственного отделения Украины от России уже не пользовалась прежней популярностью в этих кругах, но бывших “самостийническими” в 1917 году, но к лозунгам о независимости Украины они не могли оставаться равнодушными. Союз с поляками внушал им сомнения. Они понимали, что это союз не столько против большевиков, сколько союз против России, что независимая Украина нужна полякам лишь как таран против Москвы. Нелегко было преодолеть традиционное недоверие к Польше. Известно было, что в восточной Галиции союз Петлюры с Пилсудским рассматривается как отказ от национальной программы воссоединения всех украинских земель. В глазах галичан этот союз был прямым предательством. Наконец, не было прочной уверенности в том, что Польша доведёт до конца войну с советской властью, что не пойдёт она на мир ценой отречения от украинцев.

Среди деятелей украинского национального комитета были сильны эти сомнения. Но успех поляков кружил голову; казалось, что большевики оконча-

тельно разбиты, и не только им не оправиться, но и России не встать на ноги. Кроме того, национальный долг не позволял оставаться в стороне в такую минуту, когда была провозглашена независимая украинская республика. А приезжавшие в Киев уполномоченные Петлюры передавали трогательные подробности сердечного союза, заключённого между Петлюрой и Пилсудским. Газета “Громадське слово” в первых номерах не подавала и признаков сомнения в прочности польско-украинской дружбы. Напротив, во всех официозных материалах газеты говорилось об исторической общности интересов Польши и Украины, и редакция её уверенно занимала антирусскую позицию. Политические деятели без особой охоты дали согласие войти в состав правительства, формируемого в Виннице. Начались переговоры между Киевом и Винницей, которые тянулись очень долго и завершились накануне того, как закончилась и вся недолгая польско-украинская эпопея. Кооператоры остались верны себе и от участия в правительстве отказались.

III

Поляки в миниатюре воспроизвели на Украине немецкий опыт. Шли они, по-видимому, с искренним намерением создать независимую Украину под фактическим протекторатом Польши и с верой, что такую Украину создать можно. Пилсудский был увлечён этой идеей, как до него подобной идеей был увлечён генерал Гофман. Оппозиционная Пилсудскому национал-демократическая польская печать относилась к затеянному им делу скептически, даже с тревогой. Но блестящий на первых порах успех заставил замолчать и скептиков. Победителей не судят, а Пилсудский был победителем и только что не въехал в Киев на белом коне. Старая польская газета *Dzennik Kijowski* была враждебна идее украинской независимости в эпоху Центральной Рады и гетманщины. Сотрудники этого органа польских помещиков на Украине не выражали доверия государственным силам и способностям украинской демократии и видели в торжестве украинства гибель польской культуры на Украине. Но теперь и *Dzennik Kijowski* переменил фронт, приветствуя украинскую независимую республику, и пустился в исторические изыскания с целью доказать, что только тогда процветала Украина, когда находилась под покровительством Польши. “Громадське слово” поблагодарило за тёплые чувства, но добавило не без язвительности, что в историю польско-украинских отношения обеим сторонам лучше не заглядывать.

Во всяком случае, первое время усиленно афишировалась польско-украинская дружба. Традиции революции успели выветриться, и дружба находила для своего выражения формы, хотя традиционные по-своему, но для украинской демократии не совсем привычные. Польские генералы у себя на банкете приветствовали речами украинских демократов. Украинский национальный комитет обедом чествовал польских генералов. Польскому военному командованию дана была, по-видимому, директива всеми внешними средствами подчеркнуть, что хозяева города – украинцы и только украинцы, а поляки – лишь гости, союзники, приглашённые защитники. Немедленно после вступления в Киев был назначен рядом с польским комендантом и украинский, а также украинский начальник милиции, украинский начальник гарнизона и т. д. – вплоть до украинского военного цензора, – впрочем, тоже рядом с польским. Декор был соблюден в полной мере. Но граждане, которым приходилось бывать во всяких учреждениях, с первого же шага убеждались, что ходить к украинским властям бесполезно. Они ничего не знают, бессильны и безвластны. Вскоре это до такой степени стало секретом полишинеля, что и в “Громадськом слове”, тщательно хранившем вид полного благополучия, стали прорываться нотки недовольства. Украинским деятелям поминутно приходилось отстаивать свои хозяйские права, которые нарушались поляками, как нарушались бы и всякой оккупационной властью.

Но в самом Киеве внешность украинской самостоятельности всё же соблюдалась. Польская военная власть держала себя корректно, особенно на первых порах. Зато приходили тревожные и неприятные вести из деревень. Здесь польские войска держали себя, надо думать, не хуже, чем все другие войска, перебивавшие на Украине, но и немногим лучше. Украинской власти тут не было никакой, а корректность считалась манерой, подходящей лишь для большого города. В деревнях войска не стеснялись: за реквизиции либо

не платили ничего, либо платили польскими марками, которые крестьяне не хотели брать. Стали доходить слухи и о расправах и репрессиях. Правобережная Украина полна была польских помещичьих имений. В Киевской губернии расположены были латифундии польских сахарных королей и магнатов. В 1918-м и 1919 годах сотни их были сожжены и разграблены, все имения перешли к крестьянам, разделившим между собой инвентарь, тысячи поляков экономов, лесничих, управляющих бежали, бросив своё имущество. Теперь крестьяне боялись, и не без основания, что вернуться прежние владельцы и, как это уже было при немцах, начнётся расплата. Правда, официально помещикам было воспрещено возвращаться в свои имения, но на Волыни они шли по следам польской армии и возвращались в свои усадьбы, где они уцелели. Крестьяне враждебно, с недоверием встречали польскую армию. Командование её, со своей стороны, смотрело на украинских крестьян как на погромщиков, гайдамаков, уничтоживших старинные шляхетские родовые гнёзда на Украине, разгромивших очаги старой польской культуры. С польской армией и в рядах её пришли поляки – уроженцы Украины; среди них, наверно, немало было таких, кто лично пострадал от революции или имел пострадавших среди своих родных. Если присоединить к этому, что польскому командованию всюду мерещились большевики, причём оно не видело особенных различий между подлинными коммунистами и украинскими социалистами всяких толков и враждебно относилось к бесчисленным местным батькам-атаманам, то станет понятной та атмосфера взаимного недоверия, которая сложилась на Украине вскоре после прихода поляков и которую нелегко было рассеять даже искренними усилиями руководителей обеих сторон.

Нотки недовольства стали прорываться даже в сдержанных, высоко официозных статьях “Громадського слова”. Вопреки торжественным заявлениям, польская военная власть стала вести себя, как в завоеванной стране. Но со своей стороны недовольство стали проявлять и поляки, и, надо думать, недовольство обоснованное. Украинская газета должна была занять позицию обороны.

Поляков постигло то же разочарование, что и немцев. Они шли, думая, что стоит сбросить большевиков, кучку пришельцев, и Украина станет на свои ноги, создаст свою армию, правительство, администрацию, и польские войска будут подлинно гостями-защитниками, призванными лишь закрепить вооружённым своим присутствием польско-украинскую дружбу. Поход на Днепр казался военной прогулкой; таким он и был первое время. Лёгкий успех создал иллюзию, за которую полякам пришлось тяжело расплатиться. Украинские эмигранты уверяли, что стоит сбросить большевиков на правом берегу Днепра, и левобережье само подымется, встанет, как один человек, и ликвидацию советской власти украинское правительство легко довершит собственными силами.

Действительность складывалась иначе. Вопреки ожиданиям, восстание на правом берегу Днепра, в частности, на Полтавщине не вспыхнуло. Первые дни ходили слухи, будто Полтава занята повстанцами, будто загорелся тыл советских войск в Черниговской губернии, будто даже в Борисполе, ближайшей к Киеву станции, занятой Красной армией, идут бои между большевиками и петлюровцами. Слухи были правдоподобны, однако не оправдались. Вопреки всяким предположениям и планам, отдалённый гул орудий за Днепром показывал, что советские войска стоят тут, за Броварами и у Борисполя, и до сих пор не ушли. Польская армия, которая могла думать, что её роль ограничится оккупацией правобережья, а дальше будут идти и действовать украинские партизаны, вынуждена была либо идти вглубь России, в Черниговскую и Полтавскую губернии, либо ограничиться обороной и дать возможность противнику оправиться, собрать силы и перейти в наступление.

Но и тут, на правобережье, дела складывались не так, как ожидали поляки. Они шли, как приглашённые на Украину освободители; им обещано было, что их встретят с восторгом, окажут им помощь, и они окажутся в дружеской благоприятной среде. Как бы ни был велик скептицизм поляков, они не могли думать, что действительность так жестоко обманет их, и они окажутся среди врагов. Многие “боротьбисты” с уходом советской власти из Киева рассеялись по деревням с целью подышать восстания против поляков. Агитация против панов, идущих отбирать землю, имела некоторый успех. К украинским партизанам поляки относились, как к разбойникам, поэтому боялись образования у себя в тылу украинской армии. Отряду полковника

Омельяновича-Павленко, численно незначительному, но составлявшему главную силу петлюровской армии, был отведён особый фронт. В районе действий польской армии формирование украинских частей либо совсем не допускалось, либо тормозилось, и это приводило украинцев в величайшее раздражение. Несколько батек-атаманов, оперировавших под Киевом, переменили “ориентацию” и выступили против поляков. В результате полякам приходилось быть настороже не только в отношении большевиков, но и в отношении союзников. Передавали в Киеве, что в деревнях началась форменная охота за выхолощенными польскими конями. Ту дивизию, которая произвела в Киеве столь глубокое впечатление на параде своей непобедимой мощью, пришлось растянуть по огромному фронту, распылить на множество гарнизонов, охранных отрядов, патрулей. Польское командование было живейшим образом заинтересовано в том, чтобы образовалась сильная местная власть и прекращена была анархия. И можно допустить, что с полной искренностью представители польской власти в Киеве заявляли, что они содействуют организации украинского правительства, что они далеки от мысли взять на себя управление страной.

Но украинское правительство никак не налаживалось, а фактическое управление всё больше переходило в руки польского командования.

IV

Директория, то есть Симон Петлюра и кружок украинских политических деятелей сидели в Виннице. В Киев они не переезжали не то из стратегических соображений, не то памятуя уроки времени прихода немцев на Украину и разгона Центральной Рады. В Киеве правительство находилось бы в непосредственной зависимости от польского генерала, в Виннице была видимость независимости под охраной собственных войск. Сообщение было плохо налажено, и это ещё больше тормозило затянувшиеся почти на месяц переговоры об организации власти. Велись эти переговоры за кулисами, в печать и за пределы украинских кругов сведения о них не проникали, и было известно только, что идёт жестокая борьба. Столкнулись два мировоззрения, два “кружка”. Бывшее правительство, сохранившее “власть” в период эмигрантщины, сохранило и психологию, вынесенную из времён Центральной Рады, — словесный радикализм, партийную приверженность и ограниченность. Украинская интеллигенция (как и русская) много растеряла в своём бегстве за границу; но отлично сохранились центральные комитеты. Правительство И. Мазепы считалось социалистическим; во главе его стояли социал-демократы. В Каменец-Подольском, где некоторое время отсиживалось украинское правительство, существовал предпарламент, где опять-таки, как в Центральной Раде, большинство голосов принадлежало социалистам. Теперь надо было сформировать новый кабинет с участием киевлян, и притом умеренных. А киевляне, накопившие за время смены режимов богатый опыт, с нетерпимостью относились к старомодному радикализму слов и к старомодным учреждениям вроде предпарламента. В одном из первых выпусков “Громадське слово” с насмешкой отозвалось об игре в парламенты и высказалось за диктатуру. Столкновение “кружков” осложнилось личными столкновениями. Киевские деятели без особой охоты шли в состав правительства. Бывшие министры, напротив, весьма неохотно расставались со своими портфелями. По-видимому, немалую роль в затягивании переговоров играли и условия союза с поляками. В точности эти условия не были известны. Впоследствии их опубликовала советская печать, и в их числе была будто бы уступка Польше значительной территории на Волини и аграрная реформа под руководством министра-поляка с охраной интересов польских землевладельцев. Говорили, что этим министром назначается Стемпковский. Украинская печать эти слухи опровергла, а поляк Стемпковский, хотя и вошёл в состав правительства, но в качестве министра народного здравия.

Как бы то ни было, под конец удалось с большими трудностями и с большим запозданием сколотить кабинет. В состав его вошли председатель Рады (совета министров) В. Прокопович, заместитель председателя и министр юстиции Андрей Левицкий, министр иностранных дел Андрей Никовский, министр внутренних дел Александр Саликовский, военный министр — начальник генерального штаба полковник Сальский, министр земельных дел Исаак Ма-

зепя, министр финансов Аполлинарий Маршинский, министр народного хозяйства Евгений Архипенко, министр путей сообщения Сергей Тимошенко, министр исповеданий Иван Ошенко, министр народного просвещения Пётр Холодный, министр почт и телеграфов Илларион Косенко, министр здоровья и обеспечения Станислав Стемпковский, министр труда Осип Безналко, министр по еврейским делам Пинхос Красный и государственный секретарь Виктор Онихимовский.

Правительство успело опубликовать декларацию — обычную демократическую декларацию, достаточно бесцветную, с указанием на тождество интересов Польши и Украины в борьбе с московским империализмом, с признанием национального равноправия всех народов, живущих на Украине, с указанием на то, что земля впредь до решения аграрного вопроса в парламенте остаётся в руках крестьян. В печати эта декларация появилась тогда, когда уже громче стал гул орудий за Днепром и когда уже нельзя было скрывать истину о наступлении Будённого.

Но ещё печальнее, чем с организацией центрального правительства, обстояло дело с организацией местной власти. Для этого решительно не было ни сил, ни людей. Малочисленность украинской интеллигенции дала себя знать ещё во время Центральной Рады и потом при гетмане. Пришлось звать на службу русских чиновников-специалистов, “фаховцев”, как их называют на Украине. И стало это слово — “фаховец” — столь же ругательным, как в советской России “спец”. В тех же смертных грехах обвиняли “фаховцев”, они были чужими, внутренними врагами, предателями народного дела, карьеристами. Но ничего нельзя было поделаться: украинские интеллигенты тонули бесследно в массе неукраинской интеллигенции. Так было в 1918 году, но с тех пор положение ещё более ухудшилось. Украинская интеллигенция была частью истреблена, частью разогнана, частью разбежалась. Разбежались и “фаховцы”: они были русские и не пришли ко двору при антирусской политике. Их не приглашали в правительство, да они и не шли.

Украинская власть сразу почувствовала пустоту вокруг себя. И вскоре “Громадське слово” горько жаловалось на политику национальных меньшинств, проявляющих неуместную сдержанность. Упрёк был направлен, между прочим, и в адрес евреев, которых с самого начала никто и не звал участвовать в правительстве и занимать ответственные посты.

Погромы на Украине, по жестокости и размерам превзошедшие резню евреев в XVII и XVIII веках, были ещё слишком живы в памяти. Они, в сущности, ещё не отошли в прошлое, потому что и на этот раз с уходом советской власти повстанцами было разгромлено несколько местечек. Погромная полоса связывалась с именем Петлюры, который не в силах был удержать своих атаманов от зверств и грабежа. Теперь украинское правительство призывало к национальному миру, но антисемитизм прорывался даже в прогрессивном “Громадськом слове”. Испуганные погромами, доведённые до отчаяния евреи были — вопреки социальной природе городского торгового мещанства — отброшены к большевикам. Еврейская молодёжь в Красной армии находила себе спасителей от поголовного истребления. В Киеве еврейская интеллигенция была особенно многочисленна; сюда, спасаясь от погромов, хлынуло население всех окрестных городов и местечек. Еврейская молодёжь в поисках заработка заполнила советские канцелярии, и в советской печати был поднят вопрос о “местечковом мещанстве”, которое изобилием своим грозит извратить пролетарский характер диктатуры на Украине.

Украинская печать продолжала разрабатывать благодатную тему о “местечковом мещанстве”: прозрачный псевдоним прикрывал осторожную антисемитскую игру. Конечно, теперь этому “местечковому мещанству” вход в канцелярии был наглухо закрыт, но заполнить пустые кабинеты было некому. Квалифицированная еврейская интеллигенция держалась в стороне, не доверяя прочности польско-украинской власти и не сочувствуя её антирусской политике.

Между тем польская печать сначала осторожно, а потом настойчиво стала твердить о том, что надо разгрузить польскую армию от функции гражданского управления, надо создавать органы местной власти. По-видимому, ещё более настойчивые требования предъявлялись и польским командованием, и ответом на это стала статья в “Громадськом слове”, которая в весьма раздражённом тоне говорила о тех “нетерпеливых”, кто требует “чудес”

от молодой украинской власти, к примеру, чтобы в 24 часа был изготовлен государственный аппарат... И в ряде статей газета разрабатывала тему об отступлении интеллигенции, о тяжком наследии, оставленном разрухой, о депрессивных настроениях и пессимизме, овладевших широкими кругами интеллигенции, ведущих к маразму и разлагающих всякую общественную работу.

Положение было действительно тяжкое. Не было людей, не было и денег. В отличие от других правительств, украинское не имело даже печатного станка. Был некоторый запас карбованцев ещё со времён Центральной Рады и гетманщины, и была надежда на поляков. Для реализации финансовых планов необходимо было время, но были и неотложные труды. Больницы, школы, детские приюты остались без средств, с советскими бумажками на руках. Надо было организовывать милицию, платить чиновникам, а денег не было. Чтобы облегчить жестокий денежный кризис, кооперативные союзы задумали выпуск кооперативных денег в виде чеков крупного и мелкого номинала. Этот проект обогатил бы коллекцию кредитных знаков за время революции новой разновидностью, но ему не суждено было осуществиться.

К концу первого месяца пребывания в Киеве польское командование пришло, по-видимому, к заключению, что рассчитывать на самостоятельность украинской власти не приходится и надо действовать собственными силами. За кулисами делались попытки нащупать соглашение с другими группами. Если бы оккупация затянулась надолго, польская власть могла бы повторить опыт немецкой власти. Кто знает, не встал ли бы снова вопрос о “гетмане” — более удобной форме прикрытия оккупации, чем демократическое правительство с парламентом.

Конечно, до самого конца официально был выдержан весь декор украинской независимости. Поляки сумели придать ему надлежащую театральность. Пилсудский обращался с Петлюрой, как с украинским монархом. Ещё недавно его, как беглеца, презрительно третировали в Варшаве и держали фактически под арестом. Теперь старательно выстраивали дешёвый реквизит почёта, льстящий национальному самолюбию. “Грамадське слово” с умилением описывало встречи Пилсудского с Петлюрой, в деталях копировавшие официальные встречи коронованных особ. Чтобы показаться народу, Петлюра приехал и в Киев. Украинцы встречали его с энтузиазмом, пели национальные хоры, на Софийской площади его благословило духовенство, в Софийском соборе был отслужен молебен. Церемония встречи напоминала встречу монархов в старое время. От былой демократической простоты ничего не осталось. Речи Петлюры были напыщенны и бессознательны. По-видимому, он и сам не замечал искусственности своей роли. Его окружал свой “двор” — немногочисленный, впрочем, и разъединенный интригами, соединившими в себе эмигрантское величие с провинциальностью захолустных углов.

V

Между тем, Киев жил своей жизнью — достаточно неприглядной жизнью. Исчез, правда, прежний надзор, тяготевший над каждым шагом обывателя, регламентировавший все его действия и помышления. Ожили снова базары, открылись лавки, в окнах магазинов появились соблазнительные булки и пирожные. Буржуазия первое время отдыхала душой и телом. Огромное большинство народа, особенно интеллигенция, стали очень скоро испытывать подлинный голод. Из всех бумажек рынок признавал только “царские”, их было мало, и запас их скоро истощился. В учреждениях служащим не платили жалованья, промышленные предприятия стояли.

Была надежда, что откроется дверь в Европу, наладится связь с внешним рынком, придёт капитал и оживится промышленность. Надежда эта поблекла ещё до того, как выяснилась неудача польской оккупации. Польская власть проявляла крайне слабый интерес к экономической судьбе города и края. Железнодорожная связь с Варшавой была восстановлена, и через неделю после прихода поляков начал циркулировать скорый поезд прямого сообщения между Киевом и Варшавой, однако оживления это не внесло. Скорее, напротив, железная дорога явилась руслом, по которому началась утечка остатков буржуазии, застрявшей в Киеве. В долговечность польской оккупации не верили, поэтому, кто мог, старался бежать. Но и те, кто оставался, не решались начинать крупных дел. Банки не открывались. Приезжавших в Киев новых лю-

дей поражала забитость, нерешительность, робость киевлян. Они не верили, что нынешняя смена власти станет последней. В атмосфере неуверенности в завтрашнем дне невозможна была нормальная экономическая жизнь. А со стороны поляков не было заметно желания помочь её восстановлению. В Киеве было немало поляков – владельцев промышленных предприятий; распространились слухи, что польские власти собираются вывозить в Польшу машины и оборудование с заводов. Эвакуация всякого имущества, действительно, происходила непрерывно. Рабочие были возбуждены этими слухами и волновались. Приостановились и те немногие предприятия, которые работали при большевиках. Они выполняли, главным образом, заказы для Красной армии. Полякам эти предприятия были не нужны. Безработица принимала хронический характер, и в рабочей среде в связи с денежным кризисом, полным отсутствием валюты нарастало озлобление.

Недовольство поляками питалось ещё и из другого источника. На железных дорогах начались увольнения русских служащих и замена их поляками. Не доверяя местному населению, поляки привозили с собой весь административный и технический железнодорожный персонал. Это была система, уже проведённая в жизнь на оккупированной территории Волыни. В Киев потянулись чиновники и рабочие со своими семьями. Стало известно о насильственной колонизации, которая объяснялась необходимостью принятия мер, обусловленных военным временем. Всюду на оккупированных территориях русские административные и учебные учреждения были закрыты, служащие уволены и вынуждены были покинуть насиженные места. Вообще русская часть населения остро почувствовала враждебное и пренебрежительное к ней отношение со стороны польско-украинской власти. Русский язык был признан только терпимым наряду с другими языками национальных меньшинств. Приказы властей печатались на украинском и польском языках. Русское население будировало втихомолку. В сочувственном тоне говорили о национальном подъёме в советской России, о патриотическом обращении генерала Брусилова к офицерам. Ходили слухи о том, что Брусилор и другие генералы вошли в состав правительства. Советская печать не проникала в Киев, но выходил подпольный “Коммунист”, в котором умело проводилась антирусская, оскорбительная для значительной части киевлян политика.

Недовольство охватывало и значительную часть еврейского населения, с которой польские солдаты только первое время держали себя корректно. Потому ли, что ослабела дисциплина, или же сменились стоявшие в Киеве части, но вскоре участились оскорбления евреев на улицах. Старым евреям солдаты с грубыми шутками и бранью наносили побои и тесаками отрубали бороды. Это не угрожало их жизни, не сопровождалось грабежом (хотя были и такие случаи!), но носило характер утончённого и жестокого издевательства, тем более оскорбительного, что происходило под прикрытием деклараций о культурной миссии, ради которой и пришли сюда поляки. Когда случаи нападения на евреев и отрубания бород стали повторяться, евреи снова спрятались по углам; по вечерам город пустел. На базарах солдаты своевольничали, в конфликтах власть брала их сторону, и жертвами всегда оказывались евреи. И что всего хуже – для евреев оказались наглухо закрытыми железные дороги: еврею, даже богатому, было совершенно невозможно поехать в Польшу. Некоторым евреям, пользуясь своими связями, удалось добиться разрешения, но на следующей за Киевом станции их высадили из вагона. Они отделились, впрочем, благополучно и лично не пострадали. Но много было случаев, когда евреев-коммерсантов, рискнувших выехать из Киева за товаром, избивали в вагонах, иногда насмерть, и выбрасывали на ходу из поезда.

О восстановлении экономической жизни, торговой и промышленной, при таких условиях нечего было и думать. Богатейший торговый центр Украины при поляках продолжал опускаться и нищать, как нищали и разорялись он и до них. Хорошо себя чувствовали только спекулянты, великолепно умевшие приспособиться ко всем и всяческим режимам. Облавы на спекулянтов устраивала царская полиция, потом советская милиция, теперь – польско-униатская стража. Вследствие прибыльности эти облавы превратились в регулярную охоту за евреями, проходящими по Крещатику. Спекуляция не прекратилась, но и деловые евреи старались пореже выходить из дому.

Жизнь становилась нестерпимой. Бестолковость её чувствовали все слои населения. Отрезанный от всего мира, предоставленный самому себе, без

промышленности и торговли, без денег и без подлинной власти, Киев обречён был на унылое, голодное прозябание. Ни при одном режиме, которые в начале века часто сменяли друг друга, в Киеве так не голодала интеллигенция, как она голодала при поляках.

Уже в середине июня в официальных сводках польского штаба появилось имя Будённого. О нём сообщали с пренебрежением: отряды его были разбиты, уничтожены. Тем не менее, они снова появились в ближайших сводках, а базарные слухи обнаружили его уже в Белой Церкви, недалеко от Киева. С тех пор имя Будённого уже не сходило со страниц газет, и однажды он даже в отчаянии, по мнению одной газеты, покончил с собой. Официальные сводки носили столь успокоительный характер, и так импозантно было впечатление от парада польских войск, что обыватели, действительно, не придавали большого значения рейду Будённого и скептически относились к пророчествам о близком уходе поляков. Коммунисты, оставшиеся в Киеве, уверенно говорили о том, что начинается большое наступление советских войск и что уход большевиков из Киева был только удачно задуманным манёвром.

Жизнь шла своим чередом. Правительство заканчивало переговоры и собиралось в Виннице приступить к делу. Люди с деньгами и спекулянты спешили насладиться обилием продуктов на базарах и их сравнительной дешевизной. Интеллигенция молча и уныло голодала. И вдруг, словно гром среди ясного неба, всех поразил слух: большевики в Бердичеве, глубоко в тылу у польской армии. И не успели обыватели оправиться от впечатления, произведённого этим слухом, как явилось второе известие: будённовцы в Житомире. Ночью Киев прислушивался к отдалённому немолчному грохоту: это шли обозы. Утром город был уже охвачен паникой. Предстояли снова бои под городом, а может быть, и в городе. Польская и украинская газеты пытались отрицать серьёзность положения. Командующим польской армией был генерал германской службы Смигли-Ридзы. С его слов было официально заявлено, что Киеву никакая опасность не угрожает, прорвавшиеся будённовские части уже окружены и ликвидируются. От себя газеты прибавляли, что Смигли-Ридзы ещё ни разу в своей жизни не отступал. Это должно было свидетельствовать об отличных боевых качествах польского генерала, но подействовало в обратном смысле. «Тем хуже, если не умеет отступать», — думали киевляне.

Седьмого июля паника как будто улеглась, и казалось, что поляки, действительно, справились с прорывом. Дело их, однако, было уже проиграно, ореол непобедимости пропал, авторитет был подорван. Ясно было, что им надо уходить. По-видимому, и у них разочарование в Украине и украинцах было так велико, что пребывание в Киеве теряло смысл и привлекательность. В беседах отдельные поляки заявляли, что Киев отстаивать они не будут.

На следующий день и печать уж не могла скрывать истину. Трижды побитый и покончивший самоубийством Будённый не только захватил Бердичев, но и отрезал полякам все пути к отступлению. Разбросанная на большом пространстве польская дивизия подвергалась серьёзной опасности: ей грозило уничтожение по частям среди враждебного населения, готового начать охоту за польскими конями при первых же признаках слабости неприятеля.

Начались тревожные дни отступления, напоминавшего бегство. В панике бежали и поляки — жители Киева, боявшиеся мести со стороны советской власти, и те, что приехали из Варшавы. Железная дорога действовала плохо и где-то у Коростеня была перерезана, поэтому уезжали на автомобилях, на городских извозчиках, на телегах.

Польское командование, по-видимому, овладело собой и только в первую минуту проявило растерянность. Ему удалось собрать почти все воинские части и отвести их. Но нечего было и думать о том, чтобы вывезти со складов вооружение, тяжёлые орудия, огромные запасы продовольствия. Не желая, чтобы они попали в руки большевиков, польское командование распорядилось сжечь их. И среди бела дня запылали в центре города огромный бывший генерал-губернаторский дворец и прекрасное здание четвёртой гимназии. Затем подожгли занимающие громадную площадь пакгаузы на товарной станции и большой сахарный завод. Со всех сторон подымались к небу огромные столбы пламени и дыма. Казалось, что подожжён весь город, и ходили слухи о том, что будут взорваны водопровод, электрическая станция и арсенал.

Грохотали орудия, поставленные на высотах в Царском саду, на Печёрске, в Зверинце. Рвались над городом снаряды советской артиллерии, при-

двинувшейся к городу. И покрывая все эти звуки, наводя ужас на жителей, гремели взрывы на днепровских мостах. Несмотря на опасность, тысячи киевлян под обстрелом стояли на Владимирской горке, и многие со слезами смотрели на гибель Цепного и железнодорожного моста. Горели жёлтым в дневном свете, спокойным огнём все четыре моста. И было видно издали, как рухнул в воду настил, и повисли на быках цепи красавца — Цепного моста, гордости и украшения Киева.

Двенадцать раз менялась власть в Киеве, и несколько раз он оказывался под жестоким артиллерийским обстрелом. Нет в нём улицы, которая не носила бы следов революционной и военной бури. Но ни разу не было в Киеве разрушения, которое проводилось бы с таким холодным и жестоким равнодушием. Ни одна из проходивших через Киев армий не посягала на мосты. И при виде разрушаемых мостов, восстановить которые уже не удастся, при виде разрастающихся пожаров рождалось в киевлянах не только чувство злости и мести, но и чувство оскорблённого патриотизма, вражды к чужаку-завоевателю. Если бы и победили поляки, вернуться в Киев они бы уже не могли. И они знали это; и поэтому так безжалостно жгли дома и склады. И если бы у них было время, они сожгли бы всё, но они спешили уйти. Два дня Киев был окутан дымом, и даже на третий день ещё слышались взрывы. Уходя, поляки взрывали все стрелки на железных дорогах, водоканалы, мосты.

Отступление происходило, по-видимому, в порядке, и если у Красной армии был план окружить и уничтожить польскую армию, то он не удался. Поспешно, но в регулярном строю, потерявшие щегольской вид, но сохранившие воинскую выправку и дисциплину, проходили через Киев польские части.

Иной вид имел оставшийся в Киеве отряд, прикрывавший отступление, охранявший город. На складах, подожжённых поляками, было колоссальное имущество — мука, консервы, бельё и платье, керосин. Небольшую часть командование распределило между польскими гражданами, остающимися в Киеве. Они тащили, сколько могли захватить. Остальное было предназначено к уничтожению. И десятки тысяч народа, а вскоре — весь Киев, бедные и богатые, — были на станции у пакгаузов и в городе у горящих складов и старались вытащить из огня всё, что было можно. Польские солдаты выстрелами отгоняли толпу, но она лезла и лезла, некоторые падали, многие были ранены, и это никого не останавливало. Город принял страшный и отвратительный вид сплошного и безумного мародёрства. Польские солдаты приняли в нём участие. За плату они допускали к пожарищу и сами грабили. По всем улицам тянулись люди с мешками, ящиками и ведрами; пудами тащили какао, шоколад, сотнями банок — консервы. Всё это тут же на улице перепродавалось. Раздувшиеся, как клопы, с набитыми сумками, из которых торчали продукты, безобразно толстые от надетых на себя трёх-четырёх костюмов, бродили потерявшие воинский вид польские солдаты, и их ловили высланные для борьбы с мародёрами польские военные патрули.

Багровое от пожаров небо, треск взрывающихся в огне ружейных патронов, стрельба, вой толпы, немолчная канонада за Днепром — всё это создавало кошмарную картину. Надвигалась угроза погромов. Люди, обезумевшие от жадности, готовы были передрасться из-за полусожжённой тряпицы, из-за лужи разлитого керосина. Польских солдат уже не боялись. На товарной станции в них стреляли с холмов, из-за заборов.

Тревожно прошла ночь на 11 июня, но утро и день выдались спокойными. Курились и догорали пожарища, и глухо звучали вдаль взрывы. Поляков не было видно в городе, но на окраинах ещё были их патрули. Артиллерийская стрельба умолкла. Подавленное неопределённостью, боясь вступающих советских войск, население сидело по домам, не решаясь продолжать грабёж складов. Вчерашнее погромное настроение прошло. Было тихо, спокойно и пусто на улицах. Говорили, будто уже образовался военно-революционный большевистский комитет, и было его вооружённое выступление в городе, и была перестрелка с поляками на Печёрске.

Утром двенадцатого появились в городе первые красноармейцы. Их встречали со сдержанным дружелюбием. Днём стали входить пешие и конные части. Не было киевлянина, который, глядя на оборванных, босых и в лаптях, с ружьями на верёвках красноармейцев, не вспомнил с иронией и злорадством об эффектном театральном параде польской армии. “Санкюлоты!” — это слово не раз произносилось в этот день с чувством уважения к победителю.